

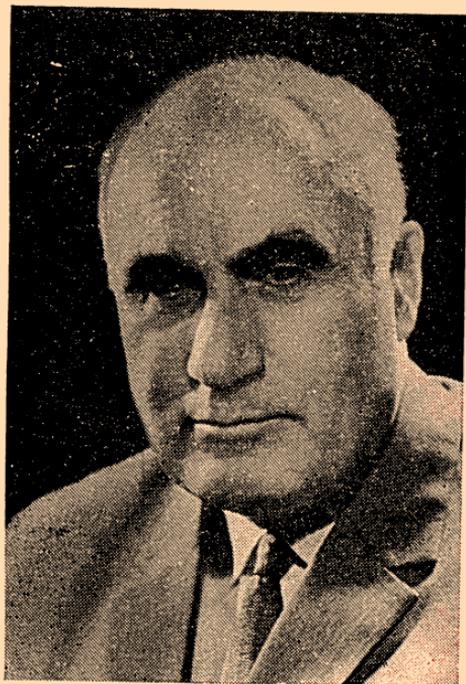
БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 33

1975

Ираклий АБАШИДЗЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ДУША ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 33

Ираклий АБАШИДЗЕ

ДУША ПОЭТА

СТИХИ

Перевод с грузинского

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1975

Ираклий АБАШИДЗЕ

Ираклий Виссарионович Абашидзе родился 23 ноября 1909 года в местечке Хони (Грузинской ССР). В 1931 году окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета.

Печататься начал с 1928 года. Первый сборник стихов издал в 1931 году. В дальнейшем книги его стихов на грузинском, русском и на языках братских республик издавались неоднократно.

Поэт-академик Ираклий Абашидзе — вице-президент Академии наук Грузинской ССР.

За книгу стихов «По следам Руставели» Ираклий Абашидзе был удостоен премии Шота Руставели (1965 год), а за книгу «На берегах Ганга» — премии Джвахарлала Неру (1972 год).

Ираклий Абашидзе награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета». Член КПСС с 1939 года.

Ираклий Виссарионович Абашидзе

ДУША ПОЭТА

Редактор — **А. В. СОФРОНОВ.**

Технический редактор **А. И. Евтушенко.**

© Издательство «Правда». Библиотека «Огонек», 1975.

Сдано в набор 17/VI 1975 г. А 00617. Подписано к печати 13/VIII 1975 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,71 учетно изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 2009. Заказ № 722. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

КОГДА МОЛЧАТ МУЗЫ

А когда безмолвны музы?
Разве скажешь, как бывало:
— Музы, время вам умолкнуть,
если пушки говорят!
Разве вы молчали, музы,
в час, когда у перевала
за Баксаном пели громы,
огненный ударил град?

Или вы молчали музы?
Музы! Вам хвала вовеки!
Пусть кипит
хранимый вами
вдохновения исток...
Разве вы молчали, музы,
в год, когда горели реки?
Разве вы молчали, музы,
в дни, когда стонал Моздок?

Или вы молчали, музы?
И от Керчи к Ленинграду
относило канонаду,
все глушила пушек речь...
Разве вы молчали, музы?
Вечной памяти громаду
павшим вы несли в награду
и живым вручали
меч!

Но когда безмолвны музы?
Песен звонкая камена,
будь добра,
спроси об этом
Клио, мудрую сестру!..

Пропитывай терпкой бедою,
Окликай и зови,
В нестареющем сердце живи!

Значит, я сохранил
Вдохновение наших отвесных
Горных скал и тропинок,
Вторгающихся в синеву,
Вдохновенье теснин
Каменистых, угрюмых и тесных —
Чудо детского виденья
Мира,
В котором живу,

Мощь военных укрытий,
Запратанных в камень глубоко,
Этажей колебанье,
Рыданье певучей струны,
Чудо первой коммуны
И первая «молния» тока
Мною как вдохновенье
Незыблемо сохранены.

Значит, живы во мне
Все сокровища вечного клада —
Пламя воинской доблести,
И трудовая страда,
И плывущей долиной
Напев задушевного лада,
И отрада моя —
Вдохновенье —
Со мною всегда.

Но, быть может, когда
Перейду за порог полувека,
Для грядущей строки
Мне дыханья не хватит в груди,
Словно звучность утратит
И станет хромать, как калека,
Мой стареющий стих...
Что ему суждено впереди?

Неужели в словах
Заведется излишек рассудка,
Непосредственность речи

Степенною скукой сменив,
Перестанет строка
Отзываться бессонно и чутко
Шуму ранней листвы
И осеннему шелесту нив?..

Горе мне, если снег
На слова упадет сединою,
Если речи течение
От стужи январской замрет,
Если гибкость утратят,
Лишенные соков и зноя,
Строки песни родной
И прервут окрыленный полет.

Горе мне, горе мне,
Если слово утратит отныне
Чуткость
Веток чинары,
Слух
Девственной думы простой,
Зоркость зренья
Отшельника,
Верного горной вершине,
Запах листьев лозы,
Затерявшей в чаще густой.

Если песня моя
Покорится глухому недугу
И утратит все то,
С чем природой я был обручен:
Грусть
Оленя в горах,
Потерявшего где-то подругу,
Вкус
Железной воды,
Источаемой горным ключом.

Горе, если иссякнет
Мой пыл, беззаботный и юный.
Если песню согнет
Непосильная ноша годов,
Дребезжа под рукой,
Ослабеют, изнасятся струны

И не смогут, как пчелы,
Нектар добывать из цветов.

Если мир прекратит
Преодо мной открываться, как внове,
Если крылья мечты
Отрешит от себя вышина...
О раздумье мое!
Обрываю тебя на полслове —
Эта весть роковая
До слуха дойти не должна!

ВДОХНОВЕНЬЕ

*Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
страницы Ада?» Отвечает: «Я»*

А. Ахматова «Муза».

Так это ты, святое вдохновенье?
Ты здесь? Тебя я тотчас узнаю.
Хвала тебе! И да придет мгновенье,
когда ты снова явишь власть свою.

Так это ты вселилось вдруг в лавину,
крутые горы Пшавии круша,
и был прикован к ветхому камину
их верховод, их тайновед — Важа?¹

Не ты ль морозным вышило узором
чаргальскую² дорожную суму —
в ней нес Важа свой вещий труд, в котором
он волю дал и сердцу и уму?

Не ты ль светилось в поднятом стакане,
светясь в вине тбилисских погребков,
когда оно во здравие веков
поило кисть — и чью же: Пиросмани?!³

¹ Важа-Пшавела (1861 — 1915) — выдающийся грузинский поэт.

² Чаргали — селение в Пшавии, где родился Важа-Пшавела.

³ Пиросмани — Нико Пиросманишвили (1862 — 1918) — известный грузинский художник.

Не ты ль — конечно, ты! — за ними следом
сомненье и раздумье приведя,
вдруг небо озаряло синим цветом,
как будто бы и не было дождя?

И, наконец, ответствуй, уж не ты ли
в Гандже далекой
жгло сильней, чем зной?
Иссохшая душа Бараташвили!
Она распята — ты тому виной!

Хвала тебе! Живи и правь вовеки,
но все ж, когда творит рука творца,
всегда ль ты воплощаешь до конца
всю страсть, которой тесно в человеке,
всю доброту, всю боль, весь гнев его?

Во все века они рвались наружу.
Ты помогало им? Более того,
живя в душе, ты не сожгло ли душу?

А что когда и ты грешным-грешно
пред одному тебе известным богом:
пора! — а слово не изречено;
конец! — а надо бы еще о многом!..

Иль золото неизреченных слов
и золото мазков несотворенных
червям достались в царстве вечных снов —
слепым червям во тьме могил бездонных?

А может быть, невыплеснутый гнев
земную твердь колышет и доселе?
Но, мглу, и сон, и смерть не одолев,
он так и остается в подземелье.

О, если это так,
будь ты судьба,
будь божий гнев, будь милость ты господя.—
молю: помилуй своего раба!
Раба помилуй своего
сегодня...

Я не был скуп,
Но был по-детски жаден,—
От счастья отказаться я не смог,—
Раздавленные гроздья виноградин
Мне посвящали свой мятежный сок.

Меня звала родная Имерети —
Земля и море детства моего.
Росою окропленной на рассвете,
Не отказался я ни от чего.

Ни от весны, цветением объятой,
Впивающей апрельские лучи,
Ни от ее травы голубоватой,
Осыпанной цветами алычи.

Из края виноградников и пашен
Летел мечтой
К багдадским небесам.
Я жаждал дружбы с теми, кто бесстрашен,
И храбрым быть
Всегда старался сам.

Меня к рионским берегам манило,
Влекла высокогорная гряда.
От поднятого зверя
В Саингило
Не мог я отказаться никогда.

Сверкнет в лесу гремучая зарница,
И смолкнет эхо дальше,
Но вдруг
Тоской щемящей в чаще повторится
Тот жизнью не насытившийся звук.

Не позабыл
И позабыть не в силах
Свеченье взглядов, затаивших пыл,
Смятенье рук беспомощных и милых,—
О женщины, которых я любил!

Я вас искал,
Как рощу ищет птица,
Бежал за вами,
Как река с горы,—

И под какою крышей мне не спится —
Знал лишь рассвет над берегом Куры!

Не смог я отказаться от зеленых
Садов на Вере,
Плещущих листвою.
От жгучих полдней,
Зноем напоенных,
И от крцанисской¹ памяти живой.

И от медовой осени тбилисской,
И от всего того, что впереди...
Мне родина настолько стала близкой,
Как будто всю прижал ее к груди,
Как будто заключил в свои объятия.
Все то, что уготовано судьбой,
Все радости земные жаждал взять я!
Возьмешь ли их с собой?!

У АЛАЗАНИ

Язык природы смею разуметь,
Понятно мне, о чем рыдает медь
Листвы осенней, сорванной ветрами,
О чем лепечет и молчит моя
Родная алазанская струя,
О чем вздыхает поле под парами.

Язык природы точен и правдив;
Беседа виноградников и нив
То пробуждает, то влечет в дремоту.
Но я готов беседовать без сна
С тобою, алазанская волна,
Тревогу птиц читать по их полету.

С горами разговаривать могу,
Пойму следы на девственном снегу
И уловлю цветка ночного шепот,
Постигну, для чего тростник поет
И почему на скалах стонет лед,—
Природа мне поведала свой спыт.

¹ Крцаниси — местность около Тбилиси.

Словарь ее бессмертной красоты —
Родной земли тяжелые пласты —
Из века в век без усталы листали.
Но как его словами ни владей,
А все равно на языке людей
Язык природы непередаваем.

ШИРАЗ В НЕБЕСАХ

Вот и славный Шираз,
город ваш,
 песнопевцы Ирана.
Ваше синее небо сияет и мне,
и со мной
вы сидите сейчас в самолете...
 Так чудно, так странно
мне смотреть на Шираз
 и дышать вышиной, синевой.
Я мечтал вас увидеть
 в немеркнувшем небе ширазском.
Где парить вашим душам,
где вам пировать, как не в нем?..
Слабым ветром высот, светлым веяньем роз я обласкан,
и расширилось небо,
 дохнуло багряным огнем.

Здесь горит ваше солнце,
светило бесчисленных весен.
Так безоблачно ясен
 бездонных небес океан.
Тонут в нем ваши песни...
 Но зелен Шираз, плодоносен,
наслаждается сном
 вечереющий ваш Гюлистан,

О поэты Ирана!
В грядущее глядя без страха,
вы летите к нему...
Под крылом через миг проплывут
то ли почва Шираза —
 пристанище вашего праха,
то ли небо Шираза —
нетленного духа приют.

Словно ровный костер,
что бушующим пламенем полон,
грудь заполнена солнцем...
В оправе белеющих гор
вырастает Шираз...
В небе гулком, пустынным и полом —
эхо ваших стихов.

И мой голос вливается в хор.

Древний стих Руставели
читаю,
и грома раскаты
на певучей волне устремляются в млечный туман..
Мир вам. Мир и привет!
Я в дороге,
и конь мой крылатый
по следам Руставели в далекий летит Индостан.

ДАЛЕКАЯ ШХЕЛДА

Тот снег — в ожидании нового снега,
скажу лишь о нем, остальное я скрою.
И прошлой зимой длилось действие неба
над Шхелдою, над осиянной горою.

Свеченья и тьмы непрестанная смена —
вот опыт горы, умудряющий разум.
Тот снег в ожидании нового снега —
в недвижности, но и в азарте прекрасном.

Неистовый дух, вечно алчущий света,
молящийся, страждущий и дерзновенный.
Тот снег в ожидании нового снега.
Далекая Шхелда и сумрак вселенной.

ЗОВ АЛАЗАНИ

М. Бажану

Разве исчезло,
разорвано братство до гроба?
Вновь Алазани сзывает нас алавердоба¹.

¹ Алавердоба — праздник урожая.

В Греми,
в Кварели стоят вечера золотые.
В дреме застыли старейшины гор снеговые,
снова забыли ненастье, как блики миража,
снова бурлит плодоносная Фландрия наша.

Ждем тебя снова в Сигнахи,
где полночь, пожара цветистей,
из виноградников неба роняет алмазные кисти.
Горное эхо грохочет над крепостью Греми.
Реют костры.

На пиру не торопится время.

Молнии Зевса проносятся в розовом свете,
между кострами ликует застолье Кахети.
Вскинули чаши и тотчас их опустошили...
Басом ревет

захмелевший «хевсур» Габашвили¹.
Тост говорит сам Яшвили...

Склоняясь к веселью,
слово горит и плывет голубой акварелью.
Тени прохлады рыдают на храмовых стенах,
Песня беззвучна...

Как хмель, закипающий в венах,
пена лихая сбегает по турьему рогу.
Бражники гостя ведут от порога к порогу.
Перед костром — кахетинцы, хевсуры, тушины,
пышущим пламенем дышат хмельные мужчины.
Пляшет на пиршестве юная Ната Вачнадзе,
пшавы, тушины оленьего взора страшатся.

Яростный Бахус пирует и празднует с нами
между огнями и огненными лезвиями.

В круг проскользнет,

и отпрянет, шатаясь понуро,
и отразится в зеркальном кинжале хевсура,
голос подаст в общем пении,
гулком и звонком,
к свету присядет,

взовьется проворным чертенком.
В чаще плывет, на цветущем лугу колобродит,
словно безводную мельницу
слово заводит....

¹ Г а б а ш в и л и — известный грузинский художник.

Камень гудит, легкий воздух поет своевольно,
Белые кельи во мраке гремят колокольно.
Рядом — Алуда, Лухуми, Джохола, Онисе,
с ними сидит и за здравие пьет

Леонидзе.

Зезва и Миндия¹ пьют,
и клокочет арака,
пенятся роги во славу и честь

Пастернака.

Ждем тебя снова в Сигнахи,
чтоб вспыхнули перед глазами
краски заката и звездная даль Алазани,
чтобы наш храмовый праздник
из фрески святых богомазов
стал бы поэзии пиром,
празднеством песен, рассказов...

Сядем за дружеский стол
и приветствия прадедов скажем,
клятвой старинной
сердца просветленные свяжем.

Кровью,
дыханьем,
словами высоких обетов
будем верны завещанию старых поэтов.

Песней, молитвой,
державною волею музыки
нерасторжимы содружества вечные узы.
Разве исчезло,
разорвано братство до гроба?
Вновь к Алазани сзывает нас алавердоба.
В Гречи,

в Кварели стоят вечера золотые.
В дреме застыли старейшины гор снеговые,
снова забыли ненастье, как блики миража.
Снова бурлит плодоносная Фландрия наша.

БЫТЬ МОЖЕТ, ВПРЯМЬ...

Быть может, впрямь есть мера у любви,
быть может, ей дано свое мерило.
Все муки, все отчаянье — увь!—
все это — зря, все понапрасну было.

¹ Зезва и Миндия — герои поэм Важа-Пшавелы.

Быть может, скорбь для наших душ и тел —
пустой урон, неявный поначалу.
Быть может, страсть имеет свой предел,
и как ни плыть, а приплывешь к причалу.

Но, ранен десять раз,
ни разу я
не помышлял о скором исцеленье.
И пусть покой далек на удивленье —
да не о том сейчас печаль моя.

ПРОЩАЙ, ЗИМА

Когда земля расстанется с зимой
И потеплеет зарево заката,
Меня окликнет
Кугаиси мой,
Как окликал по имени когда-то.

И сразу же увидеть я смогу,
Как зацветает персик на закате,
А рядом,
На рионском берегу,
Белеет слива в подвенечном платье.

Скажу зиме: «Прощай» —
И различу
Айвы апрельский уголь раскаленный,
Осыпанную снегом алычу
И нежных яблонь вспененные кроны.

И, запахом фиалок опьянен,
Туда пойду, где вечным сном объята
Обитель незапамятных времен,
Где спит в руинах
Древний храм Баграта.

На плитах и орнаментах его
Еще блуждает свет былых столетий,
Мне уловить захочется родство
Весны и старины в минуты эти.

С горы услышу гомон городской
И протяну струну к любому звуку,

Журчанье ручья в ущельях
и таянье льдов на кручах,
Вершин восковое свеченье
и догоранье огня.

Весне я не вышел навстречу.
Растрескались красные камни.
Не помню я
первую зелень,
подснежников белизну.
Все там же
стоит Кутаиси,
на месте
гора моя Хвамли,
И снова уносит вечность
добычу свою —
весну.

* * *

Когда ты предо мной раскинешь мглу
и вновь пойдешь
к своей великой цели,
своим глазам я вознесу хвалу
за то,
что в небеса твои глядели.

Я всем воздам,
кто за тебя пылал,
как ярый воск,
и счастлив был в горенье...
За то,
что я граву твою топтал,
я вас благодарю, мои колени!

Я шел землей
прекрасной без прикрас,
я шел в необозримые просторы...
Благодарю вас, руки!
Сколько раз
вы нежно обнимали эти горы!

Я слуху своему хвалу воздам
за то,
что он,
тебя услышав, таял,

и языку...

Он цену знал словам,
но, не жалея слов,
тебя он славил!

Я сердце громко возблагодарю
за то,
что не сдалось ни лжи,
ни яду,
что билось лишь тобой
всю жизнь свою
и только в том себе нашло награду!

ВЕТРЫ В ДОЛИНЕ РИОНИ

Есть ветры с Алазани и Евфрата,
С Аракса и могучих рек Сибири,
Но лишь таких,
Взмывающих крылато,
Нет больше в мире,
В необъятном мире.

Да, ветров, что так ласковы и строги,
Столь яростных и бесконечно длинных.
Подобных вам,
Я не встречал в дороге
Ни в тихих рощах,
Ни в речных долинах.

О ветры и Колхиды, и Лазети,
И городов, давно ушедших в недра
Сырой земли!..
Нет более на свете
Таких, как вы,
И нет роднее ветра.
Всегда как пламя.
И всегда как порох,
Всегда в полете, в жаркой круговерти...

Вот — эти ветры, жаждою которых
Я полон с детства
И гоним до смерти.

Он и сейчас между нами, живыми,
В наших стремленьях и наших заботах.
Вечно пребудет в сердцах его имя
Зовом и символом смелого взлета.

НАШИ ГОРЫ

Ты,
владелец великих красот,
белых гребней
и синих высот,
ты столетьями их прижимал
прямо к сердцу,
но сладким искусом
не довольствовался — понимал,
что обязан ответить искусством
красоте,
и, возвысив свой дух,
под сверкающими небесами
ты создал из прозренья и мук
образ мира — «Вепхисткаосани»¹.

* * *

Всю гроздь в строку не выжми до конца.
Чтоб мысль ожгла,
открой лишь нужный клапан.
Крикливый стих не жарче мертвеца:
тебе — болтать,
ему — дышать на ладан.

Когда и впрямь
твой вопиющий глас
сквозь божье сито пронесен судьбою,
то бог тебе поможет там как раз,
где — край строки, написанный тобою.

Чрезмерных слов не говори в строке,
но пусть за ней — просторы непочаты,
чтоб кто-нибудь,
держа свечу в руке,
нашел в себе
все то, о чем смолчал ты.

¹ «Вепхисткаосани» — «Витязь в тигровой шкуре».

ЖИЗНЬ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ

(Из стихов военных лет)

О Керчь,
Моздок,
Владикавказ
в ночах разбитых!..
Когда на небе Млечный Путь лежит ковром —
на всей земле —
от Черных волн до Ледовитых —
одни стенанья,
истребление
и гром.

То приближающийся слышим шаг врага мы,
то мы идем —
и он спасенья ищет сам.

И с неба рушатся на землю ураганы.
И твердь земная вдруг взлетает к небесам.

Как знать,
быть может, на звезде, едва заметной,
мудрец неведомый не спит
ночей и дней
и размышляет над планетой нашей бедной
и сомневается:
— А есть ли жизнь на ней?..

ДЕТЯМ (И ВЗРОСЛЫМ)

Мой мальчуган,
хоть сотни слов услышь в укор,
как ни трудна работа дерзкая такая—
но разбирай,
но расчлени любой «мотор»,
всем существом в нутро игрушки проникая.

Будь любознательным и дерзким
и поймешь
и тайну каждую
и каждую новинку.
Раскрыть. Разъять ее.

А сломана — ну что ж:
пусть взрослый делает
и сборку и починку.

Когда же
сам войдешь ты в зрелые года,
к людской душе вдруг повлечет неодолимо.
Ну что ж, проникни ты в нее,
но никогда
не расцепляй, не разрушай непоправимо!

ЛИВЕНЬ

Рим...
Но, как будто нарочно,
фурии расвирепели,
Гневное небо
играет раскатами грома,
Буйствует ливень.
Мерцает над крышей отеля
Скромная надпись, название города — «Рома».

Рим...
Словно тибрской воды
небеса, обезумев, испили
И захлебнулись...
А ливень все длится и длится.
Все же
на улицах мечутся автомобили,
В небе плывет «Аль-Италия», сизая птица.

РИМСКОЕ ПОВОЛУНИЕ

Хлестал апрельский ливень,
свинцово-оловянный,
и дождь пережидал я, усталостью томим.
И туч адриатических тянулись караваны.
Уплыл на этих тучах,
растаял город Рим.
Вдруг выглянуло солнце
и все запело хором,
и закружился в пляске
веселый город сей.

И в Рим, к его соборам,
вернулся белый форум,
и колесом вкатился
на площадь
Колизей.

Но потемнело снова.
И сумерки толпятся
в пролетах небоскребов.
Отходит Рим ко сну.
И вот включили дети
над башнею палаццо,
над площадью Венеции новую луну.

ОТЕЦ

Вы встречали в селенье моем невеликом,
Под неистовым солнцем грузинского дня,
Человека слепого
с задумчивым ликом,—

Это был мой отец.
Он ушел от меня.

Так случилось,
беда по глазам полоснула,
Черным краем крыла занавесила свет.
И под крышею
по-стариковски сутуло
Просидел он пятнадцать невидящих лет.

Черным сделался свет
ослепительно белый,
Полдень стал словно полночь,
угрюм и уныл.
В чохе цвета осеннего ржи переспелой
Только изредка из дому он выходил.

Помню, шел по тропинке
походкою валкой,
Тихий, строгий,
покорный жестокой судьбе,
Между жизнью и смертью
бамбуковой палкой
Прорубая на ощупь дорогу себе.

Так и умер,
 забыв о полуденном свете,
Не увидел,
 как смерть наступила на грудь,
Как и жизни за это пятнадцатилетье
Был не в силах глазами в глаза заглянуть.

Он с собой не унес скорби горячей
О долинах и горах,
 плывущих в зарю...
Ну а мне,
 что же делать мне, если я зрячий,
В оба глаза на мир упоенно смотрю?

Из цикла «ГИМН ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»

Никогда, никогда
 мир не станет сплошною Сахарой!
Нет, ни страх вымиранья,
 ни голод, сводящий с ума,
Ни жестокая жажда
 не правят планеткою старой,
И Земля раскрывает пред нами
 свои закрома.
Нет, не слышно потопа,
Грозящего с яростным ревом
Смыть адамово племя и весь его
 древний уклад.
В щедром лоне земном,
 перед нами раскрыться готовом,
Нескончаем,
 почти что не тронутый сказочный клад.
Нет, о нет, говорю,
 впереди — высота, не упадок
И дыханьем горячим
 мы воздух волнуем земной,
В глубине океана,
 исполненной дивных загадок,
О, какие сокровища ждут нас,
 хранимы волной!
Нет, могуче и сонно вздыхает
 тайга за тайгою...

Рано ставить кумирни безумному
богу чумы!
И еще ни с сознанием конца,
Ни со смертной тоскою,
Ни в поступках, ни в мыслях
покуда не знаемся мы.
Спит пока еще тундра —
Хотя бы дымок иль яранга!—
Спит еще енисейская чаща свежо
и темно,
Спят еще непролазные хищные
джунгли вдоль Ганга,—
Но уже им цветенье и празднество
впредь суждено!
И пока еще горы на юге пустыньны
и голы,
А Иран раскален,
как жаровня на адском огне,
И Голодная степь
лишь вчера утолила свой голод,
И колхидская гроздь
лишь вчера отразилась в волне.
И пока чуть видны,
И пока лишь томятся уныло
Без людского дыханья
Пространства судьбы мировой.
И пласты целины
Лишь слегка приоткрыло светило,
И казахская степь
Лишь вчера обняла нас впервой.
Пусть же —
грудь нараспашку —
Откроет нам недра планета
Для бессмертных посевов,
Для наших высоких затей.
Мы — единое племя, хозяева белого
света.
Мы — два мира, две мысли единой
Планеты Людей.
Уж вражда, так — с враждой,
Уж война, так — с войной.
Да святится
Человеческий гений повсюду:
вблизи и вдали!

И да крепнут людские дела
и да светятся лица
Под живыми и мирными флагами
нашей Земли!
Нам одно лишь дано,
Нам одно лишь дано для избранья:
Или гулкий поток,
иль победно светящий очаг.
Лишь вселенское счастье —
вот подвиг, достойный старанья,
Лишь народная вера —
вог истинно мощный рычаг!
Нет, о нет! — и огню,
Нет! — и скорбным вскипающим рекам,
Нет! — фанфарам чумы:
да не вскинутся, не запоют!
И да будет Земля, возродившаяся
человеком!
И да будет Земля, наш великий,
наш милый приют!..
Никогда, никогда
мир не станет сплошною Сахарой!
Нет, ни страх вымиранья,
ни голод, сводящий с ума,
Ни жестокая жажда
не правят планетою старой,
И Земля раскрывает пред нами
свои закрома.

ВИЖУ ТЕБЯ, ГРУЗИЯ!

Видю тебя
там,
Где на небе девятом
Корабли встречает
новая планета,

Видю тебя
там,
где, рассекая атом,
Люди одолели
даже скорость света.

Там тебя я вижу,
там тебе я внемлю,
Где частиц частицы
снова расщепили,
Там, где за секунду
облетели землю
Мчашейся антенны
призрачные крылья.
Там, где тел небесных
возрасты и сроки
На листе бумаги
вычислил ученый,
Там, где первой жизни
первые истоки
Снова пробудились
в колбе полусонной.
Виду в звездном мире,
вижу в клетке малой,
Виду там, где эха
гулкие удары,
Говор дальней дали,
голубой и алой,
Тишину вселенной
слушают радары.

Там, где подземельям угольным
не спится,
Где идет разведка
в недрах чуткой теми,
Там, где лучевая
огненная спица
Длится в бесконечность,
тянется сквозь время.

Виду там, где сила
солнечного жара
Раскалила камень,
растопила иней,
Там, где, оживая,
жатвой возмужала
Почва пробужденной,
жаждущей пустыни.

Вижу, как светлеют
города и села,
Как ты служишь
миру,
всей земли покою,
Вижу тебя
в ярких
бликах ореола,
В нимбах гидростанций,
вставших над рекою.

Вижу у Ингури,
вижу у Арагви,
Вижу у Иори,
вижу у Риони,
В копоты заводов,
в листовном смарагде,
Вижу у Тбилиси
и у Бахтриони.

Вижу в незнакомце,
вижу в друге старом,
Вижу в первом встречном,
в человеческой гуще,
В прошлом, в настоящем...
С трепетом и жаром
Вижу и в грядущем.
И дышу грядущим.

СОДЕРЖАНИЕ

Когда молчат музы. <i>Перевод М. Синельникова</i> . . .	3
Душа поэта. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	4
Приближение. <i>Перевод А. Межирова</i>	5
Вдохновенье. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	8
Памяти невысказанных стихов. <i>Перевод А. Межирова</i>	10
Ни от чего не смог я отказаться. <i>Перевод А. Межирова</i>	11
У Алазани. <i>Перевод А. Межирова</i>	13
Шираз в небесах. <i>Перевод М. Синельникова</i>	14
Далекая Шелда. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	15
Зов Алазани. <i>Перевод М. Синельникова</i>	15
Быть может, впрямь... <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	17
Прощай, зима. <i>Перевод А. Межирова</i>	18
Весне я не вышел навстречу. <i>Перевод М. Синельникова</i>	19
«Когда ты предо мной раскинешь мглу...». <i>Перевод С. Куняева</i>	20
Ветры в долине Риони. <i>Перевод М. Синельникова</i>	21
Гагарин на Земле. <i>Перевод А. Суркова</i>	22
Наши горы. <i>Перевод С. Куняева</i>	23
«Всю гроздь в строку не выжми до конца...». <i>Перевод С. Куняева</i>	23
Жизнь на нашей планете. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	24
Детям (и взрослым). <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	24
Ливень. <i>Перевод М. Синельникова</i>	25
Римское новолуние. <i>Перевод М. Синельникова</i>	25
Отец. <i>Перевод А. Межирова</i>	26
Из цикла «Гимн жизни на Земле». <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	27
Вижу тебя, Грузия! <i>Перевод М. Синельникова</i>	29

**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ
КАССЫ
ПРЕДОСТАВЛЯЮТ**

**НАСЕЛЕНИЮ
РЯД
УСЛУГ**

● Вкладчик может дать поручение сберегательной кассе, в которой ведется его лицевой счет, о перечислении с этого счета любых платежей предприятиям, учреждениям или организациям.

● Путем безналичных расчетов можно уплатить за квартиру, коммунальные услуги, телефон, содержание детей в детских учреждениях, обучение в музыкальных и других платных учебных заведениях, за ремонт квартир и т. д.

● Безналичные расчеты по поручениям вкладчиков производятся сберегательными кассами как в разовом порядке, так и в течение продолжительного времени — квартала, года или впредь до отмены поручения.

● Можно перевести вклад в любую сберегательную кассу другого города или района, внести деньги на аккредитив и получить их по нему, получить расчетный чек для расчета с магазином за приобретаемый автомобиль, мотоцикл, мебельный гарнитур, пианино и другие товары.

**ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС!**

Российское республиканское

управление Госстроберкасс